

МАРИЯ
МИРОШНИК

18+

A detailed illustration of a woman in a dark green, long-sleeved Victorian-style dress with a ruffled neckline and a gold pendant. She stands in a misty garden, looking out a large window. Outside, a path leads to a domed gazebo where a man in a top hat stands. Red roses and lit candles in ornate holders frame the scene.

ДЬЯВОЛ
В ОТРАЖЕНИИ

ЕГО ТАЙНЫ НАПИСАНЫ КРОВЬЮ

Выпускницы Смольного. Мрачные истории

Мария Мирошник

Дьявол в отражении

«ЭКСМО»

2026

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Мирошник М. Л.

Дьявол в отражении / М. Л. Мирошник — «Эксмо»,
2026 — (Выпускницы Смольного. Мрачные истории)

ISBN 978-5-04-251605-4

Анна Водынская, выпускница Смольного института, возвращается в дом тётушки под Петербургом, надеясь на покой и долгожданную встречу с отцом. Но вместо счастливой жизни её ждут сватовство, о котором она не подозревала, тревожные ночные крики и тайные встречи в коридорах усадьбы. Чем больше она узнаёт, тем яснее становится, что за парадным фасадом семьи скрывается паутина интриг, а каждая улыбка может оказаться маской. Когда же в доме начинают происходить убийства, Анна понимает: прошлое её рода куда страшнее, чем она могла представить, и правда может стоить ей жизни.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-251605-4

© Мирошник М. Л., 2026
© Эксмо, 2026

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	15
Глава 5	21
Глава 6	26
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Мария Леонидовна Мирошник

Дьявол в отражении

Моей семье

*Автор не претендует на историческую достоверность, хотя и
пытается ей соответствовать.*

Приятного прочтения!

© Мирошник М.Л., 2026

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Пролог

Aditum nocendi perfido praestat fides.
Доверие, оказываемое вероломному, даёт ему возможность
вредить.
Сенека, «Эдип»

Весточка

Дорогая Анна Павловна!

Тешу себя надеждами, что хотя бы на это письмо я сумею получить ответ. Знаю, что прошло много лет, но мысли о нашей дружбе так и не ушли из головы. Молю, не мучьте меня более и разрешите мою судьбу: хоть отказ и, более того, согласие принесут мне покой и успокоение. Не будьте же жестокой!

Слуга Вашей тётушки подсказал, что я могу найти Вас здесь, в Смольном институте. Надежды мои невелики, а слухи в деревне разнятся, но я молю Бога о Вашем ответе. Я уже давно не надеюсь на встречу, но не могу отрицать, что вид Вашего лика способен на долгие годы поселить во мне тягу к жизни. Клянусь, ни одна страсть в мире, ни одно увлечение не сравнятся с желанием увидеть Вас ещё раз!

Прошу о единственной весточке, написанной Вашей рукой. Анна Павловна, только намекните, что на сей раз я избрал правильный адрес!

Ваш образ стал слишком навязчивым в моих мыслях. Не могу перестать думать о том, какой стала бы наша дружба, не разлучи нас троих судьба. Надеюсь, и Вы обо мне вспоминаете.

Не молчите, если на сей раз госпожа Удача оказалась на моей стороне впервые за двенадцать лет...

Искренне Ваш, Евгений Бакиев.

Отцовское письмо

Моя дорогая, неповторимая дочка!

Один Господь видит, как я жду нашей встречи! Родительское сердце способно пережить любые невзгоды, но никак не разлуку с его чадом. К сожалению, меня настиг неприятный недуг – кашель и грудные боли совсем не покидают меня.

Будь уверена, совсем скоро мы обязательно встретимся, а пока я вынужден просить тебя после выпускного бала погостить у твоей тётушки – моей дорогой сестрицы – Александры Егоровны. Она уже обо всём предупреждена и ждёт тебя с распростёртыми объятиями.

Как только я буду уверен, что ничего из вышеперечисленных симптомов не угрожает нам, я тут же заберу тебя домой.

С неподдельной любовью, отец.

Глава 1

Дорога назад

Округ Санкт-Петербурга 1805 год

Экипаж в который раз подскочил на кочке. Не удержав равновесия, я резко покачнулась и ударилась многострадальным плечом об оконную раму кареты. Шипение против моей воли сорвалось с губ, а рука взметнулась к месту ушиба.

– Сударыня, прошу простить! – раздался голос престарелого извозчика. – Не заметил выбоину, глаза не видят уже. Совсем стар стал.

– Всё хорошо, Архип! Не переживай, – достаточно громко ответила я, пытаюсь перекричать стук копыт.

Словно отреагировав на мои слова, шестёрка лошадей ¹ ускорила. Тётушкин экипаж, отличающийся редкостной теснотой и тёмной отделкой, послушно последовал за животными.

Отодвинув бордовую занавеску, я выглянула на улицу и сделала глубокий вдох. Свежий воздух, смешанный с ароматом высокой травы и мокрой земли, зашекотал нос. Я не сдержала улыбку.

Повозка мчалась по просёлочной дороге мимо пшеничного поля. На улице стоял конец мая, но воздух всё ещё отличался бодрящей прохладой. Поплотнее укутавшись в шаль, я в который раз пожалела, что под влиянием моды шерстяная ткань с каждым сезоном становилась всё тоньше и тоньше, никак не считаясь с холодным климатом Санкт-Петербурга.

Молодые кони уносили нас всё дальше и дальше от города, в котором я провела двенадцать лет жизни. Словно в напоминание об этом, с плеча съехала белоснежная пелерина – часть гардероба старших учениц института благородных девиц. Спohватившись, я быстро завязала атласные ленты под самым горлом и с тоской оглядела тёплый салоп ², лежащий на сиденье напротив. Плотная ткань легко защитила бы меня от пробирающего до костей сквозняка, но тогда она измяла бы парадную форму.

В сотый раз за сегодня я отёрнула край туго зашнурованного корсета, но и эта попытка оказалась тщетной. Проезжая очередную поляну, благоухающую мокрой травой, я против воли потянулась к окну за глотком свежего воздуха. Это было так непривычно и прекрасно, что я позволила себе маленькую поблажку: с трудом протиснула два пальца под край лифа, закреплённого китовым усом, и что есть мочи потянула от себя. Образовавшееся пространство позволило мне несколько раз вдохнуть полной грудью, но удовольствие продлилось недолго. Ногти быстро побелели от остановившегося кровообращения, поэтому я была вынуждена вернуть всё на свои места.

Наконец, бескрайние поля за окном стали сменяться деревушками, а затем посёлками и усадьбами. Всё чаще около дорог встречались загорелые крестьяне и рогатый скот. Несколько чумазых детишек в рваных рубашках до пят и потрёпанных зипунах помахали мне, и я ответила тем же, невольно продемонстрировав местной публике изящную ладонь, затянутую в лайковую перчатку. Одна особенно враждебно настроенная женщина при виде дорогой ткани показательно фыркнула и проводила наш экипаж злобным взглядом, от которого у меня по спине побежал холодок.

Несмотря на всё это, я чувствовала небывалое воодушевление. Годы строгих ограничений, злых классных дам и нещадных диет остались позади. Впереди меня ждала встреча с горячо любимым отцом, но прежде – с тётушкой. Я в который раз расправила подол однотон-

¹ Шестёркой лошадей разрешалось ездить только дворянам.

² Салоп – широкое женское пальто с прорезями для рук и небольшими рукавами.

ного белого передника, помня, как сильно мадам любит опрятность в одежде и причёске. По правде говоря, именно она приложила руку к тому, чтобы меня отослали в Смольный, – с её слов, в институте меня должны были научить всему, что обязана уметь молодая барышня.

Не знаю, что именно подразумевала под этим тётушка, но, побывав она на уроке, уверена, осталась бы в восторге.

Не выдержав напора холодного, практически ледяного воздуха из окна, я всё-таки накинула пальто и аккуратно расправила полы, стараясь оставить между драпом и отглаженной формой небольшой зазор. Спасительное тепло тотчас обьяло плечи и руки. Задёрнув поплотнее тяжёлую портьеру, я откинулась назад и задремала.

Карета содрогнулась, попав в очередную яму. Затылок отозвался тупой болью после встречи с бархатной обивкой экипажа. Спустя некоторое время экипаж остановился. За окном раздались чьи-то голоса и торопливые шаги. Не удержавшись, я отогнула край шторки и выглянула в окно. Карета остановилась на мощёной площадке перед двухэтажной усадьбой, обитой бледно-жёлтыми досками. Около крыльца бегали женщины.

– Крепостные, – тихо подытожила я, приглядевшись к изношенным рубашам.

Крестьянки торопливо наводили лоск перед приездом гостей: сдёргивали влажное бельё с верёвок, оттаскивали корзины ближе к забору, загоняли разбежавшихся птиц обратно в курятник. Одна совсем молодая девчонка оттирала нижние ступени крыльца большой затасканной тряпкой.

Мужчины тоже не оставались в стороне: скрючившийся старичок спешно собирал скудный, разбросанный на лавке инвентарь для починки лаптей, мальчишка лет шести крутился рядом с явным желанием помочь, но своей суетой доставлял лишь больше проблем.

Не в силах более наблюдать за неугодной моему сердцу шумихой, я прикрыла окно занавеской и вернулась на место. Надела шляпку, на ощупь расправила все ленты и кружева.

Ещё некоторое время я оставалась в одиночестве, до тех пор, пока Архип не соизволил открыть мне дверь и помочь выбраться из кареты. Не успела я твёрдо встать на землю, как услышала давно забытый, практически незнакомый голос.

– Аннушка! Дорогая моя! – воскликнула тётушка и тут же принялась меня обнимать, разглядывать, трогать, крутить. – Как ты выросла! Как похорошела! Настоящий бутон розы, если не прекраснее!

– Право, мадам, вы меня смущаете, – вежливо ответила я, смущённо опустив глаза к полу – всё как учили на многочисленных уроках этикета. – Безмерно рада нашей встрече, дорогая тётушка.

Женщина, кажется, осталась довольна моей реакцией. Некоторое время она ещё продолжала крутить меня за плечи, разглядывая со всех сторон.

Полностью утолив своё любопытство, Александра Егоровна отпустила меня, предоставляя возможность незаметно изучить её. Сшитое по личному заказу платье сидело на фигуре женщины как влитое, седые волосы были собраны в объёмный пучок на затылке, на короткие пальцы нанизаны два кольца. Помолвочное с большим рубином на одной кисти и простое свадебное с небольшим изумрудом – на второй. Проницательный орлиный взгляд подмечал все детали. Прямой нос завершал благородный профиль. Лишь незнакомые борозды морщин усеивали её когда-то гладкое и пухлое лицо.

Александра Егоровна Румянцева осталась точно такой, какой её запомнила напуганная шестилетняя девочка, отданная на воспитание в Смольный институт. Малютка, отец которой мог нанять ей учителей и гувернантку, но не сделал этого. Бесправный ребёнок, отосланный из дома, чтобы «подать пример остальным бестолковым девицам». Брошенное дитя, чьи родители оставили его.

– Как ваше здоровье, мадам? Надеюсь, мигрени не беспокоят вас так сильно, как вы рассказывали в письмах.

– Сейчас мне куда лучше, а с твоим приездом, уверена, боли и вовсе пройдут!

Тётушка взяла меня под руку, и мы медленно побрели по дорожке дальше, к крыльцу. По сравнению с картиной, увиденной через окно кареты, сейчас двор выглядел как самое спокойное и умиротворённое место. Лишь изредка из-за створки всё ещё открытых настежь ворот появлялись лица крепостных. Они с жадным интересом рассматривали меня и мой багаж, который Архип молча нёс рядом.

– Мадам, вы не получали вестей от батюшки? Он не упоминал, когда заберёт меня?

– Ох, дитя моё, ты ещё не знаешь? – Ровный голос тётушки на секунду дрогнул, но быстро вернулся в привычное русло. – Отец твой занемог. Жар и кашель держатся уже несколько недель. Исхудал братец мой...

От услышанного все правила приличия вылетели из головы. Я резко затормозила.

– Что?! Что с ним? Уж не чахотка ли?! Я слышала, в столице эпидемия. Все опасаются карантина. Неужели и батюшку настигла эта зараза?

Александра Егоровна почти материнским жестом обхватила мою ладонь и заговорила чуть спокойнее:

– Не знаю, душенька, не знаю. В последнем письме я настояла, чтобы он врача столичного вызвал да не вздумал от должного лечения отказываться. Он так и сделал. Благо доктор хороший оказался: узнал мой адрес и отправил весточку, когда я от брата ответа так и не дождалась. Написал, что пациент наш исхудал, но от еды не отказывается и вообще настроен в скором времени на ноги встать. Подозреваю, тебя так увидеть желает, вот и не сдаётся. – Тётушка настойчиво подтолкнула меня дальше по дороге. – Просил меня приютить нашу красавицу, а сам, как на ноги встанет, так тебя заберёт отсюда. Не грусти, Аннушка, он сейчас готов свернуть горы – так скучает по тебе!

Стоило мыслям успокоиться, как в голову полезли воспоминания. О том, как отец везёт меня в институт, как расписывается под обязательством – не требовать меня к дому раньше срока, как оставляет с классной дамой и, не попрощавшись, уходит. Хотя чувствовало моё сердце, что не желал он такого исхода! Не в силах был возразить своей властной сестре.

– Это точно – горы свернёт, – шёпотом повторила я.

Глава 2

Иные причины тёплой встречи

Обеденный стол ломился от закусок. Тарелки с запечёнными яблоками соседствовали с кусочками хрустящего хлеба и ломтиками тушёной свинины. Количество еды превосходило все разумные пределы.

– Тётушка, к чему такой пир? Мы же вдвоём не управимся.

– Как же «к чему»? – искренне удивилась женщина. – Конечно же, к твоему приезду!

Не успели нотки стеснения и толика радости тронуть мою душу, как тётушка жестом приказала сесть, а сама заняла место во главе стола – на месте покойного дядюшки. Недолго думая, я обошла её с левой стороны, но стоило мне положить ладони на спинку стула, как Александра Егоровна взмахом руки остановила меня.

– Аннушка, ради бога, садись справа. – На лице тётушки расцвела терпеливая улыбка. – Мы же одна семья. Ну что ты, в самом деле?

Присев в коротком реверансе, я обошла стол и заняла указанное место.

– Благодарю, мадам.

В груди против воли зародился слабый огонёк надежды. Едва заметное пламя, отблески которого окрасили глухую стену обид, выстроенную в глубоком детстве.

Опустив глаза и слегка улыбнувшись, я потянулась за салфеткой. Сняла серебряное кольцо, принялась расправлять ткань, прощупывая пальцами в перчатках чуть выступающую вышивку с инициалами рода Румянцевых.

В помещение вошла крепостная. Девчонка, которая перед моим приездом намывала крыльцо, сейчас резко остановилась в дверях, скрывая кого-то за своей спиной.

– Барыня, прошу простить, – быстро пролепетала она, склонившись в глубоком поклоне. – Граф Атаванов с сыном пожаловали. Разрешите впустить?

– Конечно! Нечего гостям в дверях стоять! – сладким голосом ответила тётушка и чуть тише добавила: – Глупая девка! Сама не могла сообразить, что их к столу нужно вести?

Я вздрогнула от резкой смены тона тётушки. Крепостная тотчас разогнулась, ужасно побледнев, но не оторвала взгляда от пола. Ещё раз быстро поклонившись, она шагнула к стене и пропустила графа с сыном в помещение. Несмотря на свои пышные формы, девушка практически вжалась в обои.

Первым в столовую зашёл невысокий полный старик с залысиной, держась чересчур пухлыми пальцами за край жилета. Он оценивающе оглядел притихшую служанку, столовую и только после этого перевёл взгляд на тётушку. Его и без того огромные щёки стали ещё больше от улыбки, когда мадам элегантно поднялась из-за стола и протянула ему руку.

– Георгий Дмитриевич! Мы переживали, что вы позабыли о нас, – нараспев проговорила она.

Тётушкино притворно грустное выражение лица не изменилось, когда он наклонился и поцеловал её кисть.

– Александра Егоровна, как вы могли так обо мне подумать? – в тон ей ответил Георгий Дмитриевич.

Тётушка и граф не обратили внимания, как в комнату, словно призрак, вошёл второй гость – высокий юноша с кудрями цвета яркого солнца и скучающим выражением лица. Он был настолько высок, что мог с лёгкостью удариться головой о дверной косяк. На нём был белый колет с широкой оранжевой тесьмой на бортах, по центру которой находился кроваво-алый просвет. Ткань плотно облежала широкие плечи и длинные руки. На скруглённом жёстком воротнике, под самым горлом, из той же тесьмы были пришиты две петлицы – по одной с каж-

дой стороны. На плечах красовались погоны металлического цвета. На талии – туго затянутый широкий пояс из полированной белой кожи с изображением герба на бляхе. На ногах – белые лосины и чёрные высокие сапоги.

На угловатом лице сильнее всего выделялась горбинка на носу, кончик которого стремился вниз, словно птичий клюв. Слишком большие для такого лица глаза скучающе осматривали помещение. Светлые бакенбарды подчёркивали высокие скулы и мягкий изгиб бровей.

Не отвлекая отца от разговора с хозяйкой дома, молодой граф встал чуть поодаль и оглядел комнату. Судя по мундиру, этот человек состоял в гвардии. Когда его взгляд наткнулся на меня, всё ещё сидящую за столом, глаза гостя расширились.

Опомнившись, я как можно плавнее поднялась на ноги, не торопясь расправила складки юбок на бёдрах и талии. Намеренно долго не поднимая глаз от одежды, покрутила многоярусный жемчужный браслет на левом запястье и только после этого подошла к тётушке.

Встав за плечом мадам, я заметила, что цепкий взгляд молодого графа следил за каждым моим движением, а натянутая улыбка не выражала ни единой эмоции. Притворно смутившись, я первая отвела глаза. Плохое предчувствие закралось в сердце: прибывшие гости вызывали тревогу.

Когда приветственные речи между тётушкой и Георгием Дмитриевичем закончились, молодой человек сделал шаг вперёд.

– Александра Егоровна, благодарю за приглашение, – любезно отозвался граф и невесомо коснулся губами руки мадам. – Не окажете ли вы нам честь представить вашу гостью?

Пожилой граф наконец заметил меня. Тётушка спохватилась и повернулась ко мне с широкой улыбкой.

– Георгий Дмитриевич, – она выразительно кивнула ему, – Иван Георгиевич, – её внимание переключилось на молодого человека, – позвольте представить вам мою племянницу. – Родственница взяла меня под локоть и мягко подтолкнула ближе к гостям. – Анна Павловна Водынская. Единственная дочь моего прелестного брата.

Тело, скорее по привычке, нежели по собственному желанию, присело в глубоком реверансе. Задержавшись в нём чуть дольше положенного, я медленно выпрямилась и только после этого посмотрела на гостей. На лице Георгия Дмитриевича читалось одобрение. Его явно порадовало моё проявление уважения, заложенное на уровне мышечной памяти годами учёбы, а вот его сыну моя любезность скорее наскучила, чем польстила. Мужчина едва слышно вздохнул, но ни один мускул на его лице так и не дрогнул.

– Какое прелестное создание! – с удовольствием подметил старый граф и поцеловал мою руку. – Совсем как вы в молодости, – добавил он, обратившись к тётушке.

Понять, угодила ли мадам данная фраза, было невозможно. Выдержка Александры Егоровны при гостях была эталонной. Окружающие могли считать с её лица лишь те эмоции, которые она сама хотела им показать. Не более того.

Но и я не просто так отдала двенадцать лет жизни, пусть и не по своей воле. У меня было много времени на тренировки, поэтому сейчас я прекрасно владела собой во всех смыслах этого выражения.

С едва заметной улыбкой, опустив ресницы, я прикрыла губы свободной рукой и издала беззвучный смешок. Мой целомудренный образ всем своим существом выражал смущение. Спиной я почувствовала одобрительный взгляд мадам.

– Вы мне льстите, милостивый государь, – проворковала я и аккуратно высвободила кисть из его влажной руки. Господи, благослови тех, кто придумал перчатки. – Уверена, мне далеко до красоты и обаяния тётушки.

Комната наполнилась искренним смехом старика. Стоящий за его спиной сын лишь натянуто улыбнулся, явно не оценив устроенный мною спектакль. Александра Егоровна одобрительно погладила меня по запястью.

– Граф, будьте добры представить моей племяннице вашего сына. Боюсь, мне не хватит слов, чтобы перечислить все его заслуги.

Старик ещё несколько раз провёл пухлыми пальцами под глазами, стирая выступившие от смеха слёзы.

– Чего уж тут перечислять? – добродушно начал он. – Анна Павловна, знакомьтесь. Мой сын Атаванов Иван Георгиевич. Тот ещё оболтус, но всё равно моя гордость! В двадцать два года уже подпоручик кавалергардского полка!

Молодой граф вышел из-за спины родителя с заготовленной улыбкой и, слегка наклонившись, поцеловал мою руку. Несколько светлых кудрей упали на лоб мужчины. Он смотрел мне прямо в глаза, соблюдая все возможные правила приличия, но в его взгляде я прочитала не более чем скуку и вынужденную вежливость.

Выпрямившись, подпоручик Атаванов произнёс:

– Покорён вашей красотой. – Он сделал шаг назад и поравнялся с отцом.

– Благодарю вас, сударь, – в тон ему ответила я и слегка кивнула.

На этом разговор оборвался.

Тётушка пригласила всех к столу. Занимая своё место, я с обидой поняла, зачем мадам посадила меня с правой стороны. Какими бы красивыми словами она ни описывала наши отношения, они никогда не были по-настоящему семейными. Главной её целью было освободить место для важных гостей, визит которых она запланировала задолго до того, как я переступила порог этого дома.

И, судя по загнанным взглядам, которые время от времени бросал на меня молодой граф, их приезд имел вескую причину.

И она точно не могла мне понравиться.

Глава 3

Обеденный этикет, или Новое знакомство

Время тянулось ужасно медленно, как на занятиях Елизаветы Григорьевны – пожилой преподавательницы этикета в Смольном институте.

Я упорно не отрывала взгляда от тарелки с тушёным мясом и картофелем. Казалось, что если я всё-таки посмотрю на сидящих за столом, то внутренняя битва будет проиграна и меня действительно сосватают незнакомому кавалергарду уже сегодня. По телу пробежал неприятный холодок. Опустив ладони под стол, я незаметно стянула короткие белые перчатки и размяла кисти. Кровь прилила к кончикам пальцев.

Разговор тётушки и Георгия Дмитриевича не стихал. Они увлечённо обсуждали погоду и то, как протекают дела в имениях, не забывая изредка упоминать что-то хорошее о своих наследниках.

Это определённо было сватовство.

Набравшись мужества, я огляделась. На меня никто не смотрел, поэтому я переключила внимание на молодого графа. Атаванов-младший сидел, чуть сгорбившись над своей тарелкой, не поднимая головы. Стол не был рассчитан под его рост, из-за чего колени Ивана упирались в столешницу и он определённо испытывал неудобство.

Граф казался слишком молодым. Даже в мыслях я не могла представить, что мне придётся называть его по имени-отчеству.

Когда разговор между старшими всё-таки стих, Георгий Дмитриевич с тихим звоном отложил вилку на край тарелки и кашлянул. На широких скулах Ивана напряглись мышцы, ладони непроизвольно сжались в кулаки, но взгляд всё так же оставался сфокусирован на блюде перед ним. Быстро взяв себя в руки, он выпрямился и улыбнулся мне самой обворожительной улыбкой, которая никак не сочеталась с тоской в его глазах.

Почувствовав неладное, я в который раз за вечер пожалела, что женщины в нашем обществе обязаны носить чёртовы корсеты. Казалось, что воздух вокруг нас сгустился и перестал попадать в лёгкие, а майская прохлада резко сменилась на летний зной.

В помещении стало тихо, как перед бурей. Тётушка и Георгий Дмитриевич выжидающе смотрели то на молодого графа, то на меня. Лицо Ивана оставалось напряжённым. Он словно боролся сам с собой, стараясь набраться мужества. Ладони вспотели. Я старательно вытерла руки о подол парадного платья, а затем быстро натянула перчатки.

– Анна Павловна, – наконец произнёс кавалергард. – Вы прекрасно выглядите.

– Благодарю, сударь.

Неприкрытый воротом кадык молодого графа дёрнулся. Наше общение явно приносило ему дискомфорт. Хотя бы в чём-то мы были похожи.

Собравшись с силами, я взяла в руки приборы и продолжила трапезу. Годы в институте приучили мой желудок к маленьким объёмам еды, а сложившаяся обстановка отбивала аппетит, но я не сдавалась: раз за разом отрезала тонкие ломтики тушёного мяса и с трудом их проглатывала.

Вечер обещал быть долгим.

* * *

Гости соизволили покинуть имение ближе к полуночи. Закончив с обедом, Георгий Дмитриевич и Александра Егоровна переместились в гостиную, чтобы продолжить вечер за чашечкой кофе и посиделками у камина, а мы с Атавановым-младшим направились следом,

словно привидения. Тётушка вместе со своим давним другом (как я узнала из их диалога) разместились в красивых, искусно вышитых креслах у огня, а мы с Иваном заняли места на пуфиках рядом с родственниками.

Из-за отсутствия спинки поясница ужасно заныла, но я не подавала виду. Тётушка и Георгий Дмитриевич перестали требовать от нас видимости общения, полностью сосредоточившись на разговоре друг с другом.

Заняться было нечем. Я с трудом поборолла желание постоянно снимать и надевать перчатки, не зная, как ещё себя развлечь. Редкие взгляды на Ивана убедили, что он скучал не меньше меня. Мы заключили негласный договор о молчании.

Когда гости наконец направились к выходу, мы с тётушкой вышли их проводить. У калитки уже стоял экипаж, запряжённый парой гнедых кобыл. Я поёжилась. Накинув на плечи салоп, неспешно шагала за мадам. Ночной ветер раздувал полы одежды, просачивался сквозь юбки до самых чулок. Не представляю, как мадам умудрялась никоим образом не выказывать того факта, что она замёрзла.

Наша четвёрка остановилась около забора.

– Благодарю за приглашение, Александра Егоровна, – сказал Атаванов-старший и поцеловал ей руку.

Не успела тётушка ответить, как место графа занял его сын, в точности повторивший все действия.

– Александра Егоровна, позвольте выказать свою благодарность за тёплый приём, – кавалергард ловко склонился и запечатлел на тонкой ткани перчаток невесомый поцелуй, – и знакомство с вашей очаровательной племянницей.

Впервые за весь вечер он посмотрел на меня открыто и без тоски. Не успела я обдумать перемену в настроении моего загадочного нового знакомого, как передо мной возник Георгий Дмитриевич, который в следующую секунду прижал мою ладонь к своим губам.

– Настоящая красавица, – с теплотой произнёс он. – Как и все женщины в вашей семье.

С благодарной улыбкой я кивнула и присела в реверансе. Пожилой граф отвёл Александру Егоровну на несколько шагов в сторону и завёл с ней незамысловатый разговор, уступив место подле меня сыну. Последний не заставил себя долго ждать и возник рядом уже в следующее мгновение.

– Анна Павловна. – Он поцеловал мою руку. – Благодарю за приятную компанию и прошу простить мою нелюдимость. – Граф выпрямился. – Не принимайте на свой счёт. Совсем недавно я поссорился с близким другом, поэтому сейчас нахожусь на душевном перепутье. Позвольте выразить мою признательность за то, что оставались терпеливы ко мне.

– Вам не за что извиняться, Иван Георгиевич, – ответила я, стараясь незаметно разглядеть детали его колета. Разница в росте способствовала обратному. – Уверена, вы и ваш друг достаточно мудры, чтобы преодолеть все трудности и прийти к компромиссу.

Я постаралась вложить в слова всю надежду, которую была способна подарить практически незнакомому человеку.

– Вы невероятно добры. – В голосе мужчины звенели нотки восхищения. – Прошу, зовите меня просто Иван. Я не настолько стар, насколько могло показаться.

Не желая признаваться, что уже целый вечер величаю его в своих мыслях не более чем по имени, я кивнула. Впервые за весь вечер граф искренне улыбнулся и, откланявшись, направился к родителю.

Распрощавшись, отец и сын покинули наше поместье.

Глава 4

Грань между воспоминаниями и реальностью

Мне выделили спальню на втором этаже. К моему приходу в камине уже горел согревающий после морозной улицы огонь. К счастью, в покоях имелась ванная комната, попасть в которую можно было через неприметную дверь в самом углу помещения. Также тётюшка распорядилась, чтобы у меня была своя прислуга – крепостная девушка лет четырнадцати по имени Василиса или, как её звали сёстры, Вася.

По моей просьбе помощница натаскала в ванну тёплой воды. Пока она бегала с вёдрами, я расправилась с одеждой, оставшись в нижнем платье. Как раз в тот момент, когда я аккуратно складывала пелерину в шкаф, в комнату зашла Вася. Взглянув на меня, она сильно удивилась.

– Сударыня, почему вы не позвали меня? Я бы помогла с корсетом, – виновато промолвила та и опустила голову.

Две тонких русских косички вторили её движениям.

– Не переживай, Василиса, – как можно мягче сказала я и закрыла дверцы шкафа. – Меня учили ухаживать за собой самостоятельно. Но как только мне понадобится твоя помощь, я обязательно скажу.

Чуть успокоившись, крепостная согласно кивнула и даже слегка улыбнулась. Прекрасно, возможно, мне удастся завести здесь если не друзей, то хотя бы приятелей.

– Ванна готова, сударыня.

– Спасибо, Василиса.

– Я могу идти?

– Одну секунду.

Мысленно поблагодарив Архипа за то, что он принёс мои вещи в комнату, я открыла сумки и достала небольшой сундучок, отделанный кожей. Внутри находились щётки, расчёски, крема и всё, что могло понадобиться в банный день. Вспомнив, как строго классные дамы следили за чистотой учениц в институте, я вздрогнула. По коже поползли мурашки, но сейчас было неподходящее время для воспоминаний.

Отодвинув пару флакончиков с розовой водой, я наконец нашла то, что искала. Несколько кусков мыла, завернутых в упаковочную бумагу и обернутых бечёвкой. В состав входили эфирные масла и морская соль. Мне чудом удалось купить их у одной институтской служанки. Совсем молоденькая крепостная должна была съездить в город и приобрести это мыло для одной ученицы средних классов, но по своей неопытности согласилась взять в качестве предоплаты только половину цены и оставшуюся сумму добавила от себя. Предполагалось, что по возвращении из Петербурга служанка заберёт деньги и отдаст покупку, получив сверху небольшое вознаграждение, но вместо этого ученица взяла лишь три пачки мыла, на которые изначально и хватало суммы. Барышня планировала подставить помощницу забавы ради, о чём гордо рассказала своим подружкам.

Я застала служанку в кладовой, где она долго ревела, не представляя, как вернуть потраченные деньги. Из её нервных всхлипов мне толком не удалось ничего разобрать, поэтому я просто сунула несколько монет ей в руки, предложив перепродать такую дорогую покупку. По её счастливым глазам было непонятно, хватило ли моих средств на покрытие всех трат или нет, но девушка тотчас перестала реветь, поблагодарила меня и убежала. А я осталась стоять с тремя брикетами подарочного мыла, которому за месяц так и не смогла найти применение – белье стирать ими жалко, а в общую баню брать страшно.

И только сейчас, находясь в чужом доме, полном незнакомых людей, я наконец поняла, зачем всё это случилось в моей жизни. Мне не хотелось жить ближайшие месяцы в полном оди-

ночестве или среди агрессивно настроенных крепостных. Я взяла пачку мыла, ощутив сильный аромат розы, и протянула её Васе.

– Держи. – Глаза девушки загорелись, но руку не протянула. – Не стесняйся. Это подарок.

– Это очень... очень дорого, – запинаясь произнесла она, но взгляда не отвела.

– Бери, – настойчивее повторила я. – Право, не придавай этому большого значения. Небольшой знак внимания ещё никому не навредил.

Несколько секунд крепостная обдумывала что-то, а затем резко подалась вперёд и с рвением ребёнка, никогда не знавшего игрушек, выхватила мыло у меня из рук и глубоко вдохнула аромат.

– Спасибо-спасибо-спасибо! – чуть ли не завизжала Вася, но вовремя спохватилась и зажала себе рот свободной рукой. – Спасибо...

– Пользуйся на здоровье, – с улыбкой отмахнулась я и подошла к туалетному столику. – Можешь идти. Я очень устала с дороги, так что воду из ванной можно будет вычерпать утром.

– Благодарю, сударыня, – в очередной раз поклонилась Вася и попятилась к двери. – Добрых снов!

– Спокойной ночи.

Тихо щёлкнула дверь. В комнате повисла тишина. Немного подумав, я приоткрыла окно, подкинула несколько поленьев в огонь и села на пуфик перед туалетным столиком. С наслаждением вытащила из причёски десяток шпилек. Длинные русые пряди тяжёлыми змеями заструились по плечам, образуя крупные волны. Я достала три измятых конверта. Все они были подписаны одним и тем же человеком – графом Евгением Васильевичем Бакиевым.

Первое за двенадцать лет письмо от друга детства пришло накануне выпускного бала из Смольного. Витиеватая подпись «Е. В. Бакиев» выглядела слишком официально. На языке вертелось просторечное «Геша», но я отмахивалась от него, как от назойливой мухи. Слишком много времени прошло с тех пор. Слишком долго мы не общались.

Перед глазами за мгновение пронеслась сотня воспоминаний о тех годах, когда родители гостили у дядюшки в разгар тёплых месяцев. Олег и Евгений – два брата-близнеца (в народе таких принято называть «двойняшками») с тёмными, как чернила, кудряшками и широкими улыбками были магнитами для приключений. Они находили их везде: в лесу, в гостинной, на речке, а я, подобно верной собачке, всегда шла следом.

Мне было шесть, а друзьям по двенадцать лет. Несмотря на разницу в возрасте, друзья никогда не относились ко мне как к ребёнку: всегда звали с собой поиграть и старались не оберегать слишком сильно (хотя порой получалось у них это из рук вон плохо).

Мы каждый день придумывали что-то новое, часто разыгрывали взрослых: схожесть мальчишек порой пугала. Олег родился на несколько минут раньше своего брата и безумно гордился этим фактом. Как и подобает «старшим», он старался быть спокойнее и усидчивее, поэтому всю любознательность часто направлял в учёбу. К концу лета мальчик даже стал отказываться от общих прогулок в пользу науки. Первое время было обидно понимать, что близкий друг начал считать наше общество менее интересным, чем очередную энциклопедию, но затем я начала радоваться. Вдвоём с Эженом (как часто называли Евгения) нам было даже веселее. Мы оба не могли подолгу оставаться на одном месте и всегда придумывали новые забавы, от которых наши матери поседели чуточку раньше положенного.

Несмотря на это, Эжен был не менее умным, чем его близнец. Он много времени проводил на уроках фехтования и музыки, а из наук предпочитал арифметику и историю. Довольно часто, приходя в их дом, я заставала друга за заполнением многочисленных тетрадей. Эжен просил родителей привозить из города образовательные журналы, а, получая их, тратил целые вечера на то, чтобы выписать всю новую информацию в специальную книжечку.

Братья Бакиевы были для меня примером для подражания. Неунывающие, тянущиеся ко всему новому и интересному, они разбавляли мои унылые летние дни в этом имении. С ними

любое занятие становилось интересным, будь то охота на сверчков или разбор нот на уроке музыки. Мама даже несколько раз подмечала, что близнецы положительного на меня влияют.

В августе родители согласились на предложение дядюшки погостить здесь хотя бы до декабря, а затем вся сказка разрушилась. В конце октября, когда на землю только-только выпал первый снег, моя семья собрала вещи и покинула родовое имение Румянцевых. В течение некоторого времени до отъезда я слышала от взрослых разговоры о Смольном, но, как мне казалось, они были несерьёзные, даже шуточные.

Тем не менее мне не дали попрощаться с друзьями – просто в одно утро служанки одели меня в дорожное платье, а затем усадили в карету, около которой родители спешно прощались с тётушкой и дядюшкой.

Я думала, на этом ужас закончится, но нет. Маршрут проходил через Санкт-Петербург и там же и закончился. Отец оставил меня в институте благородных девиц. В месте, которое на следующие двенадцать лет стало моей тюрьмой. В месте, откуда я не могла написать братьям Бакиевым, ведь они не приходились мне родственниками. В месте, которое оставило после себя огромное количество кошмаров и ужасных воспоминаний.

Связи с родными почти не было. Лишь редкие письма от родителей, которые спустя год моего пребывания в институте почти полностью прекратились.

Следом за первым письмом пришло ещё одно, которое я до сих пор не осмелилась прочитать. Каждый раз, когда я собиралась это сделать, руки начинали мелко дрожать. Вот и сейчас, сжимая в пальцах мятый конверт, я чувствовала, как земля уходит из-под ног.

Однако любопытство наконец победило. Вдохнув побольше воздуха, я резко оторвала загнутый край и достала сложенную бумагу. Внутри меня ждали аккуратные строки.

Дорогая Анна Павловна!

За долгие годы нашей разлуки я успел написать Вам множество писем и отправить их по адресам, которые ни разу не повторились. Каждый месяц – по одной весточке. Это было подобно поиску иголки в стоге сена: вслепую, без единой подсказки, опираясь лишь на воспоминания о нашей дружбе и надежду на встречу. Но сейчас я впервые напишу ещё одно письмо по уже известному адресу.

Моё сердце наполнено уверенностью в том, что Вы в Смольном. Это бы объяснило Ваше исчезновение. И если это так, то совсем скоро Вы закончите своё обучение и, очень надеюсь, мелькните на императорских балах или на вечерах в салонах Санкт-Петербурга. И тогда, будьте уверены, я Вас найду. Если потребуется, подобно ищейке возьму след ради того, чтобы выбить у госпожи Судьбы шанс на ещё одну встречу с Вами. Ведь, видит Бог, речь идёт уже не только о нашей дружбе, но и о результате, который я хочу получить после двенадцати лет поисков.

Прошу, если мои догадки верны, дайте знак. Ответное письмо, переданное через других людей, устное послание, появление на публике. Мне нужно убедиться, что я не сошёл с ума и Вы действительно присутствовали в моей жизни.

Искренне Ваш, Евгений Бакиев.

Пальцы всё же дрогнули. Трясущимися руками я спрятала письмо на самое дно багажа. *Раз он так просит появиться в его поле зрения, я сделаю это.*

Уверенность согревающим цветком распустилась в животе, придав сил. Из-за вороха одежды выглядывал последний нераспечатанный конверт. Я кинула поверх него нижнюю рубаху.

Встряхнув распущенными волосами и отогнав подальше любые мысли о Бакиевых, я направилась в ванную комнату. В маленьком помещении горели всего две свечи. Их отблески очерчивали силуэты немногочисленной мебели, включая чашу ванной, небольшую табуретку, складной столик и пару узких высоких шкафчиков у стен.

Тяжёлыми от усталости руками я стянула с себя нижнее платье и залезла в ванну. Волосы вывесила за латунный край так, чтобы они не намокли. Горячая вода приятно обжигала замёрзшую кожу, пока я медленно погружалась всё глубже и глубже. Наконец тепло объяло озябшие плечи. Откинувшись на спинку, я полностью расслабилась.

На столике неподалёку стояло несколько флакончиков с солью. Дотянувшись, я послушала ароматы и, выбрав тот, что отдавал лавандой, щедро добавила в воду.

Треск горящих поленьев доносился из соседней комнаты. Привыкшая к вечному шуму общих спален, я всё ещё не могла смириться с такой пугающей, почти осязаемой тишиной. Но, немного успокоившись, всё же обрадовалась выпавшей возможности остаться наедине со своими мыслями.

В тусклом свете на руке блеснул браслет. Семь рядов из неоднородного речного жемчуга с полосой из серебряных бусин, проходящих через все ярусы. Я так привыкла к нему, что забыла снять перед купанием. Украшение было дешёвым, но главное – оно скрывало от любопытных взоров большую часть левого запястья. На то было две причины: шишка размером с перепелиное яйцо и уродливый шрам, тянущийся от основания большого пальца и до середины предплечья. Оба увечья я получила в тринадцать лет на уроке верховой езды в Смольном, когда упала со взбесившегося коня. Результатом стали перелом запястья, неаккуратно сделанная в медицинском крыле операция и там же наложенные швы.

Кости срослись неправильно. На месте удара образовалась шишка, а кисть долгое время не двигалась полноценно. На протяжении полутора лет я старательно занималась музыкой, чтобы вернуть окаменевшим пальцам подвижность. Учиться пришлось с самого начала: травма свела на нет всю мышечную силу в левой конечности. Но, несмотря на все мои усилия, наверстать удалось далеко не всё, и игра на фортепьяно до сих пор давалась мне с трудом. Менюэты в моём исполнении звучали, откровенно говоря, скверно. Пострадавшая конечность сильно отставала от здоровой, да и ощущалась она словно замороженная. Тогда на помощь снова пришла живопись. В ней мой недуг никак не проявлялся, чему я была несказанно рада.

Браслет я купила, когда устала прятать свою особенность за кружевными манжетами. Денег было не много, поэтому выбор пал на одно из самых дешёвых и массивных украшений. Несмотря на соблюдение строгой формы в институте, некоторые учителя позволяли мне носить жемчуг на уроках. Но были и те, кто строго наказывал за это, поэтому на их лекции я ходила с неприкрытыми запястьями, из-за чего ощущала себя беззащитной.

Вскоре вода остыла. На одной из мраморных полок я нашла стопку чистых простыней. Выбрав самую большую, завернулась в лёгкую ткань и вернулась в спальню. Выудила из багажа ночную сорочку и надела, перед этим ещё раз протерев тело от капель воды. Тонкий лён приятно прилегал к коже и почти не спасал от ночного сквозняка. Однако это не приносило сильного дискомфорта: всё-таки неотапливаемые общие спальни Смольного и ежедневное закаливание ледяной водой из Невы не прошли даром.

Поёжившись, я достала стопку бумаги, несколько конвертов и письменный набор. Выбрала наименее помятые листы и водрузила все сокровища на туалетный столик. Настало время отправить весточку по-настоящему близкому человеку.

Анастасия Петровна Мироновская была одной из немногих моих близких подруг и единственным лучом света во мраке коридоров Смольного.

Сердечная моя подруга...

Слова лились из глубины души и «вытекали» на бумагу аккуратными буквами. Я писала о том, как доехала, как соскучилась по ней и нашим душевным разговорам, как мне не хватает её общества. Боясь придать письму чересчур унылый настрой, добавила, что, несмотря на все это, стараюсь не отчаиваться.

Взяла второй лист и написала несколько абзацев для отца. Рассказала о том, что тётушка меня хорошо приняла, затем напомнила о его обещании как можно скорее забрать меня домой. Поинтересовалась здоровьем и пожелала скорейшего выздоровления.

Закончив и упаковав письма, отложила их на комод, чтобы утром передать Васе. Быстро юркнув под одеяло, я несколько раз по-кошачьи потянулась и завернулась в плотный кокон из пледа. Высокий балдахин частично скрывал меня от мира, хотя и пугал своим иссиня-чёрными тканями. Несмотря на неудачное сватовство, тётушка всё-таки позаботилась обо мне.

По крайней мере, прямо сейчас всё, что мне было нужно, – мягкая постель и уединение. А с остальным можно было разобраться и позже.

* * *

Дикий крик разрезал звенящую тишину дома. Подпрыгнув, я рывком села в кровати и уставилась в угол, в котором, как подсказывала память, должна была находиться дверь. Глаза медленно привыкали к темноте, а в воздухе уже не чувствовался запах дыма – верные признаки того, что дрова в камине догорели задолго до моего пробуждения.

Несколько минут я не сводила взгляда с дверной ручки. В доме стояла оглушающая тишина, ни единого шороха, кроме собственного бешеного сердцебиения в ушах.

– Показалось, – нервно подытожила я, но позу не сменила.

Разыгравшееся воображение заставило осмотреться в поисках защиты. На прикроватной тумбочке нашёлся витиеватый канделябр со стебельками новых свечей, который был выбран в качестве оружия. Одеяло сбилось в ногах. Кровь пульсировала во всём теле.

Ничего не происходило. Собрав частички самообладания, я заставила себя ослабить хватку на подсвечнике и только теперь заметила, что металлические детали слишком сильно впивались в ладони. Казалось, остались небольшие ранки, но в кромешной тьме об этом было сложно судить.

Убедив себя, что крик был не более чем плодом воображения, находившегося на границе сна и ужасных воспоминаний, я немного расслабилась.

Стоило мне моргнуть, как на обратной стороне век, словно маслом на холсте, нарисовалась картина – плачущая барышня в истерике прячет раны на предплечьях, натягивая короткие рукава ночнушки до самых локтей. Она сидит на жёсткой кровати без простыни. Несколько институток пытаются расцепить её руки, которыми она в ужасе прикрывается и никого не слышит.

Ещё пара жестоких сцен всплыла в памяти, но я абстрагировалась от них. Свободной рукой с усилием потёрла лицо.

Просто кошмар. Не более.

Для собственного спокойствия канделябр был оставлен на ближнем углу тумбочки. Одеяло расправлено и заново обёрнуто вокруг меня плотным коконом. Несмотря на погасший огонь, в спальне было тепло, но уснуть больше не получалось. Простыни, которые ещё несколько часов назад представлялись лучшим подарком после тяжёлой дороги, сейчас душили и опутывали, словно изголодавшиеся змеи. Тишина больше не помогала приводить мысли в порядок, скорее наоборот, путала. Напряжённое тело находилось в состоянии боеготовности: мышцы словно окаменели в одной позе. Взгляд не отрывался от дверной ручки. Минуты текли медленно.

В тот момент, когда мне почти удалось забыться в беспокойном сне, раздался ещё один крик. Женский.

Глава 5

Дело о канделябре, сорочке и чести

Тело среагировало быстрее разума. Рывком схватив канделябр, я уже в следующую секунду оказалась у двери и, тихо отворив её, шагнула в коридор.

Темнота окутала лестницу. Я крепко сжимала подсвечник, бесшумно спускаясь по ступенькам. Звуки чужих шагов и шуршания одежды стали отчётливо слышны.

Через несколько шагов я увидела ярко-жёлтую светящуюся полосу. Тонкий луч света выглядывал из-под двери, ведущей в кабинет покойного дядюшки. Судя по мелькающим теням, в комнате кто-то был.

Возможно, здесь тётушка хранила документы, деньги и драгоценности, поэтому нас решили ограбить? Или кто-то из крепостных решил подделать вольную грамоту?

Бессмысленно. Почти никто из крестьян не умеет писать.

Надеяться на помощь со стороны было бессмысленно: Александра Егоровна, несмотря ни на что, была дамой в почтенном возрасте, и её слух порой оставлял желать лучшего. Тем более что спальня хозяйки располагалась в глубине дома – там, где графиню не мог потревожить никакой шум. И не стоило забывать, что дядюшкин кабинет был одной из тех «тихих» комнат, которые строились специально для частных бесед. Он имел отдельный дымоход и огромное количество мягкой мебели для поглощения звука.

Пока я думала, раздался ещё один крик, который почти сразу же сменился на смех. Я так удивилась, что замерла, не дойдя нескольких шагов до двери. Рука с незамысловатым оружием застыла в воздухе.

Но вот смех снова сменился на крик. Высокий женский крик.

Отринув все сомнения, я посильнее замахнулась канделябром и резко толкнула дверь. В свете многочисленных свечей и горящего камина предстала неприятная картина. В центре кабинета на широком столе из красного дерева сидела полураздетая девушка. Рядом с ней стоял мужчина. Его камзол валялся на полу, а пуговицы жилета были вразнобой расстёгнуты. Изношенная нижняя рубашка крестьянки сбилась на уровне её расставленных коленей, чем не постеснялась воспользоваться проворная ладонь сударя, одетого явно на несколько рангов выше, чем его избранница. Судя по взлохмаченным шевелюрам и покрасневшим щекам, до моего вторжения они целовались.

Парочка испуганно отшатнулась друг от друга, увидев нежданного гостя. Теперь мне было хорошо видно, что девушка, юность лица которой повергала в шок, была чуть ли не младше меня, в то время как мужчина годился в ровесники моему отцу. Я мысленно назвала его испорченным стариком.

Судя по почти истлевшей, вульгарно задранной рубашке, передо мной, на столе покойного дядюшки, сидела крепостная девка. Бесстыдно распущенные кудрявые пряди золотой волной вились по её плечам и спине, а испуганный взгляд голубых глаз неотрывно следил за мной. Спohватившись, она сомкнула колени, поджала ноги и натянула подол из дешёвого коленкора до самых пят.

Мужчина рядом с ней не двигался. На его лице читалась смесь злости и непонимания. Он в упор разглядывал меня, пытаясь понять, кого принесло в такой поздний час по его душу. В отличие от девицы, её кавалер явно имел хоть какой-то вес в обществе, что делало сложившуюся ситуацию ещё более мерзкой.

Незнакомец не спешил прикрывать наготу (хотя, кроме снятого камзола, надевать ему больше ничего и не требовалось). Эта заминка вкупе с его изучающим взглядом не оставила

сомнений: он оценивал меня так же, как и я его. Следовательно, передо мной был минимум вольнонаёмный, если не дворянин.

В душе поднялся чистый гнев. Мало того что эти двое осквернили кабинет дядюшки, так ещё и этот мужчина, скорее всего, принудил беззащитную крепостную ко всему тому, что здесь произошло. И хоть девушка выглядела напуганной больше из-за моего появления, нежели из-за принудительных плотских утех, я постаралась встать на её сторону. В моей картине мира никак не укладывалось, что молодая бесправная девица могла быть организатором сего разврата.

– Кто вы такой и что здесь делаете? – как можно строже спросила я и для убедительности чуть приподняла канделябр.

Я специально адресовала вопрос мужчине, так как хотела сразу обозначить, что считаю виновным только его. Он в последний раз оглядел меня и чуть-чуть повернулся. Что-то в моём тоне заставило его заговорить.

– Трифонов Константин Алексеевич, – с расстановкой произнёс он и слегка поклонился. Так слабо, словно стоял перед крестьянкой, а не потомственной дворянкой. – Управляющий имения Румянцевых и их незаменимый помощник. Позвольте поинтересоваться...

Он не успел договорить. Его перебил ещё один голос, донёсшийся прямо из-за моей спины:

– Константин Алексеевич, мне необходимы все выписки из бухгалтерии за последнюю зиму...

Я резко развернулась, всё ещё держа канделябр над головой. Передо мной оказался мужчина лет двадцати пяти, одетый в стильный клетчатый костюм по фигуре. Он стоял, склонив голову над исписанными листами. Несколько светлых прядей выбились из зализанной назад причёски. Развязанный шейный платок болтался на воротнике.

Спокойно осмотрев управляющего, крепостную и тот разврат, что они устроили, незнакомец вперил в меня вопросительный взгляд. Боже милостивый! Во всей картине его удивляла только я?

– Константин Алексеевич, – обратился он к управляющему. – Я не знал, что ты позвал ещё гостей.

Мужчина сделал особый акцент на слове «ещё» и недовольно посмотрел на старика. Тот не предпринял никаких действий, продолжая растерянно смотреть на собеседника. Заметив это, незнакомец закатил глаза и добавил:

– Неужели одной девицы не хватает?

Константин Алексеевич сразу же сконфузился и залился краской, а у меня глаза расширились от наглости этого хама!

– Я? Девица?! – не своим голосом прошипела я и чудом не запустила в него канделябром. – Да как вы смеете?!

Мужчина ещё раз показательно осмотрел меня с ног до головы.

– Но ведь вы прямо сейчас стоите в общей комнате в одной сорочке.

Я быстро посмотрела вниз и с ужасом поняла, что он прав. Во время поисков источника шума мне в голову не пришла идея надеть что-то ещё.

А вот прямо сейчас, стоя в одном ночном платье, кружевной край которого едва закрывал середину моих икр, а ворот – плечи, я впала в оцепенение. Господи, какой позор! В жизни не испытывала ничего подобного!

С грохотом уронив канделябр, я обхватила обнажённые локти руками в жалкой попытке хоть как-то прикрыться. Свечи вылетели из зажимов и разлетелись по полу десятком кусочков. Не отрывая взгляда от восковых обломков, я почувствовала, как собственные плечи стыдливо ссутулились.

Наверное, что-то в моей реакции заставило мужчин отступить. Воспользовавшись моим смятением, управляющий помог крепостной слезть со стола, и они быстро покинули кабинет. На пороге Константин Алексеевич не забыл откланяться незнакомцу, не удостоив меня и взглядом. В любой другой ситуации я бы непременно это отметила, однако в таком виде мне было не до возмущений. Стыд сжал горло, пока воображение красочно рисовало презрение на лицах всех присутствующих.

На плечи легла приятная тяжесть. От неожиданности колени слегка подогнулись, но выдержали. Оторвав глаза от пола, я поняла, что незнакомец накинул на меня шерстяное одеяло. Клетчатая ткань спасительным коконом прикрыла всё тело от позора. Руки сами собой натянули её до самого подбородка.

Мужчина обошёл меня и направился к столу. Выдвинув стул, уселся за рабочее место и зажёл масляную лампу. Разложил принесённые бумаги в ему одному известном порядке, поправил каждую стопочку и только после этого обратил внимание на меня.

– Щеголяете в одном нижнем белье по дому. Обижаетесь, когда вас сравнивают с... – Он запнулся и жестом обвёл место, где совсем недавно сидела полураздетая девица. – Кто вы?

От его спокойного рассудительного тона мои мысли потихоньку начали вставать на свои места. Посильнее завернувшись в одеяло, я уверенно задрала подбородок. Гордость оскорблённо маячила где-то на краю сознания и наконец дала о себе знать.

– Меня зовут Анна Павловна Водынская. Единственная дочь статского советника Павла Егоровича Водынского и племянница Румянцевой Александры Егоровны. А вы кто такой, позвольте узнать?

Моё имя не вызвало у незнакомца никаких эмоций. Единственное, что он сделал при упоминании титула отца, – машинально встал из-за стола, как того требовали правила приличия в присутствии барышни знатного происхождения.

– Сударыня, позвольте представиться, – спокойно произнёс он. – Граф Мещерский Андрей Кириллович. К вашим услугам.

Мужчина не стал кланяться или целовать мою руку. Вместо этого он, усевшись обратно, обратил всё своё внимание на документы, лежащие на столе. Меня возмутило его поведение. Но ещё больше напрягла фамилия: она казалась пугающе знакомой, но я никак не могла понять, где именно её слышала.

– Что вы делаете в этом доме, граф Мещерский? – подчёркнуто официально обратилась я.

– Живу.

Односложность ответов и напускное спокойствие оппонента выбивали из колеи. Граф продолжал копаться в бумагах, не обращая на меня никакого внимания. Он вёл себя как дома: достал из ящика стола перо и чернильницу, немного подкрутил ручку у масляной лампы, подвинул ближе коробочку с песком. Глядя на всё это, я ощутила, как внутри разрастается раздражение. Да кто он, чёрт побери, такой, если ориентируется в кабинете моего дядюшки лучше, чем его родная племянница?!

Последняя мысль натолкнула на внезапно появившийся огонёк ревности. Дядюшка был единственным человеком, который препятствовал моей ссылке в институт. Поэтому смотреть на то, как какой-то самоуверенный граф хозяйничает в его кабинете, было невыносимо.

– Не хотите ли рассказать, почему вы здесь живёте?

Собеседник не дёрнулся, продолжая заниматься своими делами. Складывалось ощущение, что я разговариваю со стенкой.

– Нет, не хочу, – прямо ответил Андрей Кириллович, но спустя мгновение всё же добавил: – Если вам так сильно интересно, то меня пригласила ваша тётушка. Я её крестник, поэтому пару раз в год навещаю свою крёстную мать. Иногда помогаю с бухгалтерией. – Он посмотрел на меня и, не отводя взгляда, кивнул на бумаги на столе. – Конец истории.

Наступила тишина. В камине потрескивали поленья, свечи быстро плясали на сквозняке. Не выдержав тягостного молчания, которое, казалось, приносило дискомфорт только мне, я спросила:

– Как... почему вы так спокойно отнеслись к тому, что здесь происходило?

Граф непонимающе уставился на меня:

– А что здесь происходило?

Я попыталась объяснить, но слова застряли в горле. Жар прилил к лицу. Он серьёзно будет делать вид, словно ничего не произошло? Самоуверенный болван! Подобного отношения к девушке, пусть и крепостной, я точно ему не спущу с рук!

– Вы думаете, я не заметила, как управляющий приставал к крестьянке? – самым спокойным тоном, на какой только была способна, спросила я. – Или вы, граф, подобное отношение к крепостным поддерживаете? Или мне уже нужно называть её сералькой³?

Подобная мерзость просто не укладывалась у меня в голове! Как можно так обращаться с живыми людьми?!

– Уверяю вас, сударыня, в этом доме нет никакого рабства, – твёрдо сказал Андрей Кириллович. – Константин Алексеевич никого ни к чему не обязывает. Все девушки оказываются здесь по собственной воле и за щедрые вознаграждения. – Граф отложил документы, обошёл стол и присел на край, скрестив руки на груди. – Они помогают своим семьям или просто получают в подарок красивые безделушки. Наш управляющий отличается щедростью.

– Вы хотите сказать, что они сами соглашались на это? – неуверенно уточнила я.

– Именно это я и пытаюсь до вас донести.

Повисла тишина, прерываемая лишь тихим треском дров в камине. Получив ответы на волнующие вопросы и убедившись в том, что крепостная в безопасности, я ощутила смятение и стыд. Смятение из-за того, что, как умалишённая, прибежала сюда среди ночи, а стыд из-за своего неподобающего вида.

Шерстяное одеяло было в несколько раз тяжелее, чем могло казаться на первый взгляд. Ткань так и норовила сползти на землю, поддавшись гравитации. Я с силой подтянула её выше. Волосы под ней неприятно спутались.

– В таком случае, я пойду, – пряча взгляд, промямлила я.

Уверена, увидь меня сейчас наша классная дама, она бы лишила меня приёма пищи или приколотла бы к моему платью чулок и заставила ходить с ним весь день в качестве наказания. Больше чем за неопрятный внешний вид, в Смольном наказывали за невнятную речь. До сих пор не понимаю, как публичные унижения или отсутствие еды должны были улучшить ораторские навыки.

– Не смею вас задерживать.

Андрей Кириллович почтительно склонил голову, но не удосужился привстать со столешницы или поцеловать мою руку. Проглотив и это проявление бестактности и забыв о лежащем на полу канделябре, я гордо вышла за дверь.

По пути в спальню в голове крутилось множество мыслей. Отмахиваясь от них, как от назойливых насекомых, я добралась до своей спальни. Одеяло оказалось тут же сброшено на пол. Только в кровати я поняла, как сильно замёрзла, щеголяя по дому в одной сорочке.

Сейчас матрас не казался таким мягким, а подушка – воздушной. Перина засасывала в свои настойчивые объятия. Сбитая простыня обвивалась вокруг ног и мешала свободно двигаться. Иссиня-чёрный балдахин давил на меня своими размерами. Казалось, что сама комната хотела поглотить меня.

³ Сералька – крепостная девушка, в обязанности которой входило удовлетворение сексуальных потребностей своего хозяина.

С головой укрывшись одеялом, я принялась вспоминать все французские поэмы, которые когда-то учила на уроках театрального мастерства. Морфей неохотно забрал меня в свои владения до того, как я дошла до английской литературы.

Глава 6

Хлебная ссора, или Овсянка с водой

Утро выдалось не самым приятным. После ночных происшествий выспаться не получилось, из-за чего разболелась голова. Кто-то открыл окно, поэтому я жутко замёрзла и совсем не представляла, как можно покинуть тёплую перину.

Вася зашла в тот самый момент, когда я собирала вокруг себя огромный кокон из одеял так, чтобы всё тепло, накопленное за ночь, оставалось при мне. Девушка посмотрела сначала на открытое окно, затем на нерастопленный камин, испуганно поклонилась и виновато добавила:

– Доброе утро, сударыня! Бога ради, простите дуру, я сейчас огонь разведу!

– Всё х-хорошо, – стуча зубами, заверила я. – Подай, пожалуйста, платье, пока я не зале-денела.

Крепостная захлопнула окно, метнулась в указанном направлении и распахнула дверки шкафа. Перед ней предстал скудный гардероб, состоящий в основном из форменных институтских платьев и специальных костюмов для гимнастики, отличавшихся разве что укороченной юбкой и наличием специальных панталон. Растерявшаяся девчонка обернулась и вопросительно указала на одежды.

– То, что слева, – подсказала я. – С кружевными рукавами.

Вася кивнула и тут же достала необходимый наряд. Пока я сбрасывала с себя остатки сна, она быстро развела в камине огонь. Около десяти минут ушло на то, чтобы комната достаточно прогрелась. В это время меня не отпускало гадкое чувство будто, я опаздываю.

С горем пополам мне удалось умыться в подготовленном тазике и надеть одно из своих самых любимых платьев. Вместо верха у него была объёмная кружевная блуза. На горле располагалась большая брошь в виде гладкого бежевого камня, от которого во все стороны крупными складками расходились слои воздушной ткани. Тёмный однотонный подол, благодаря нескольким подъюбникам, держал форму колокольчика, а широкий пояс скрывал часть корсета.

Вася помогла со шнуровкой, затем я самостоятельно надела все слои своего наряда и привела в порядок волосы. После ночи они ужасно спутались, поэтому мне пришлось провести большую часть времени за расчёсыванием, изредка бросая ненавидящие взгляды на громоздкую шерстяную кучу на полу. Скомканное одеяло раненым зверем лежало около моей прикроватной тумбочки и безмолвно требовало вернуть его хозяину.

– Вася, сложи, пожалуйста, это и отнеси в кабинет на первом этаже после завтрака, – попросила я, закалывая последние шпильки в изящную «шишку».

– В кабинет управляющего?

– Да.

Помощница кивнула и принялась аккуратно складывать плед. Разглядывая девушку через зеркало туалетного столика, я вдруг ясно поняла, что у Васи зарождались черты будущей красавицы. Миловидное, по-детски круглое личико, светлые глаза и длинные русые волосы – всё это было прекрасным дополнением для знатной девушки и ужасным проклятием для крепостной.

– Вася, скажи, – аккуратно окликнула я, когда она, справившись с пледом, направилась к двери, – Константин Алексеевич тебе что-нибудь предлагал?

Девушка вся покраснела и стыдливо опустила глаза на свёрток ткани в своих руках. Внутри у меня всё сжалось.

– Нет, но старшая сестра по секрету мне рассказала, что её подруга Палашка, – крепостная испуганно осмотрелась и шёпотом добавила: – сходила с ним на сеновал во время весенней переписи, а вернулась с яхонтовыми серёжками!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.